

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Каршинский государственный университет

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Бабакуловой Дильбар

**на присвоение степени бакалавра по направлению
5141300 – Родной язык и литература**

**на тему: «ИДЕЙНО – ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
«ЗАДОНЩИНЫ» - ШЕДЕВРА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ 14 ВЕКА».**

Научный руководитель:

Милованова Е.В.

«Рекомендовано к защите»

**Декан факультета романо-германской
филологии:**

_____ доцент Д. Джураев

« _____ » _____

2014 год

Содержание:

Введение.....	3 - 7
Глава 1. История возникновения поэтической повести	
«Задонщина».....	8 - 9
1.1. Политические предпосылки и историческая основа возникновения повести.....	9 - 13
1.2. История открытия и направления изучения поэтической повести «Задонщины».....	14 - 17
Глава 2. Художественное своеобразие «Задонщины».....	18 - 22
2.1. Влияние «Слова о полку Игореве» на стиль и проблематику «Задонщины».....	22 - 39
2.2. Структура и стиль поэтической повести.....	39 - 52
2.3. Художественные достоинства «Задонщины» как яркого памятника древнерусской литературы.....	53 - 56
Заключение.....	57 - 59
Список литературы.....	60 - 64

ВВЕДЕНИЕ.

«Осмысление духовности – это осмысление самого человека. Гармонизация материальной и духовной жизни позволяет всесторонне развиваться и обществу, и человеку. Угроза против духовности представляет собой угрозу против свободы личности, так как она стремится оторвать человека от подлинных национальных и общечеловеческих ценностей, направить его в русло сомнительных, мнимых ценностей «массовой культуры», политического и религиозного радикализма».

«Духовность оберегает как свободу личности, так и свободу, независимость нации».¹

В 1380 году произошло важное событие, изменившее ход истории Руси. Это событие стало поворотным моментом, определившим дальнейшее развитие государства и повлиявшим на самосознание граждан тогдашней Руси. Речь, безусловно, идёт о Куликовской битве. Более полутора столетий до этого сражения монголо-татарские ханы вторглись в пределы русских княжеств, громя и разоряя города. Восьмого сентября 1380 года на местности расположенной в верховьях Дона, в месте впадения в него реки Непрявды, коалиция русских князей во главе с Дмитрием Ивановичем Московским нанесла сокрушительное поражение монголо-татарским войскам под предводительством Мамая. Победа, одержанная на Куликовом поле, подорвала коренную зависимость русских княжеств от Золотой Орды, показав, что в союзе русские князья могут успешно противостоять любому противнику, а также способствовала подъёму национального духа, что в свою очередь повлекло за собой изменения в культурной жизни страны. Данные изменения затронули различные области искусства: живопись, зодчество, а также, что для нас

¹ Каримов И. «Юксак Маънавият-енгилмас куч» («Высокая духовность-непобедимая сила»). Т.: «Маънавият», 2008.

наиболее важно, литературу. На основе данного события было написано много замечательных произведений, считающихся по праву шедеврами древнерусской литературы. К их числу относится и произведение, о котором пойдёт речь в нашей работе, и называется оно «Задонщина».

Рассматриваемое нами произведение принадлежит к группе повестей, входящих в так называемый Куликовский цикл. Оно дошло до нас в шести списках и двух редакциях. Старший из этих списков (Кирилло-Белозерский) относится к 70-м годам XV века и представляет собой переработку только первой половины первоначального текста. На сегодняшний день известно только два списка, которые содержат полный текст, во всех списках имеют место различного рода ошибки и искажения. Кроме «Задонщины» в Куликовский цикл входят и другие произведения, среди которых «Слово о жизни и представлении Дмитрия Ивановича», «Сказание о Мамаевом побоище» и др.

Интерес к событию, описанному в этих текстах, не ослабевает и в наши дни.

Актуальность выпускной квалификационной работы определяется прежде всего тем, что произведения древнерусской литературы несут в себе отражение самых ярких событий истории нашей Родины, а их прочтение помогает нам глубже понять психологию народа, проникнуться деяниями и мыслями людей того времени.

«Задонщина» неоднократно была переведена на современный русский язык, создано несколько поэтических переложений памятника (М. В. Саянова, И. А. Новикова, А. Скрипова, А. Жовтиса), также она была переведена на ряд иностранных языков. Данному памятнику посвящена большая научная литература.

Научная новизна исследования заключается в сопоставлении всех основных точек зрения.

Объектом изучения данной работы является собственно сама поэтическая повесть «Задонщина».

Предметом изучения является художественное своеобразие повести, как ярчайшего памятника, посвящённого победе в Куликовской битве.

Материалом исследования было взято произведение «Задонщина».

Цель нашей работы: выявить художественное своеобразие «Задонщины», как яркого памятника древнерусской литературы и дать ему литературоведческую оценку.

Для реализации поставленной цели нами были обозначены следующие **задачи**:

1. Проанализировать литературу по данной проблеме.
2. Определить предпосылки и описать историческую обстановку, на основе которой была написана «Задонщина».
3. Описать историю открытия и направления изучения рассматриваемого нами произведения.
4. Рассмотреть влияние «Слово о полку Игореве» на стиль и проблематику «Задонщины».
5. Рассмотреть и дать анализ структуре и стилю поэтической повести.
6. Выявить художественные достоинства памятника.

В ходе работы нами использовались различные **методы исследования**:

- описательный;
- аналитический.

Методологической основой являются работы Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова; теоретические работы, критическая литература.

Теоретическая значимость выпускной квалификационной работы определяется тем, что результаты проведённого исследования являются определённым вкладом в изучение древнерусской литературы.

Практическая значимость работы заключается в следующем:

1. Исследованный материал может быть использован в педагогической практике при обучении литературе;
2. Данное исследование может послужить базой для работы в ходе спецкурса по древнерусской литературе.

Выпускная квалификационная работа состоит из двух глав, в каждой из которых затронуты важные аспекты, способствующие всестороннему анализу изучаемого нами произведения. В первой главе нами рассмотрены вопросы, связанные с исторической обстановкой, в условиях которой была написана «Задонщина», а также описании истории и направления изучения данного текста. Во второй главе нами изложен подробный анализ «Задонщины», подготовленный, прежде всего, на основе сопоставления данного памятника с другим не менее значимым произведением древнерусской литературы, а именно, со «Словом о полку Игореве», которое повлияло на стиль и проблематику изучаемого нами текста.

Глава I. История возникновения поэтической повести «Задонщина».

«Задонщина» – поэтическая повесть о Куликовской битве – «Задонщина» дошедшая до нас в шести списках и двух редакциях была написана в конце XIV века. Автором этого произведения обычно назывался Софоний, брянский боярин, ставший впоследствии священником. Использование плана повествования и художественных приёмов «Слова о полку Игореве» в «Задонщине» обусловлено всем идейно-художественным замыслом этого произведения. Также как и в «Слове», в «Задонщине» ход исторических событий не излагается подробно. Главное внимание обращено на их смысл и оценку. Если поражение Игоря на Каяле (в «Слово о полку Игореве») – результат феодальной розни, отсутствие единства действий, то победа на Куликовском поле – результат преодоления розни, результат единения русских сил во главе с великим московским князем Дмитрием Ивановичем. «Задонщина» состоит из двух частей: «жалости» и «похвалы» (в «Слово о полку Игореве» - три части). Также как и в «Слово о полку Игореве», «Задонщина» начинается с небольшого вступления, оно определяет главную тему произведения – прославить, воздать «похвалу» Дмитрию Ивановичу, его брату Владимиру Андреевичу и «возвести печаль на восточную страну». Таким образом, в «Задонщине» сразу же устанавливается генеалогическая связь первых киевских князей. Воинская доблесть и мужество московских князей характеризуются в «Задонщине» с помощью тех же художественных приёмов, что и в «Слове о полку Игореве», напевность, сближает его со сказовой манерой. Первая часть «Задонщины» – это «жалость», открывается яркими картинами сбора русских войск, их вступления в поход, начала сражения и их поражения. Природа в «Задонщине» на стороне русских войск и предвещает поражение «поганных». Центральное место отведено изображению страшного боя на Куликовском поле. Первая половина боя завершается

поражением русских. Вторая часть «Задонщины», «похвала», посвящена описанию победы одержанной русским войском тогда, когда в бой выступил полк воеводы Дмитрия Боброка Волынца. Стиль повествования «Задонщины» радостный, мажорный, взволновано-патетический. Завершает «Задонщину» торжественная речь Дмитрия Ивановича «на костях» павших воинов. По сравнению со «Словом о полку Игореве», в Задонщине совершенно отсутствуют языческие мифологические образы, но значительно усилены религиозно-христианские мотивы, это свидетельствует о возросшей роли церкви в жизни Московского государства. Как и в «Слове о полку Игореве» в «Задонщине широко используются» приёмы и поэтические образы народной поэзии, песенные ритмы. Идейный замысел «Задонщины» связан с поэтизацией политической роли Москвы и московского князя в борьбе с ордынцами. Весь свой пафос автор направил на пропаганду идеи сплочения, единения всех сил Русской земли вокруг Москвы, всячески подчёркивая, что только благодаря единству была одержана историческая победа, а князья и русские воины добыли себе «честь и славное имя».

1.1. Политические предпосылки и историческая основа возникновения повести.

Победа, одержанная русскими над монголо-татарами на Куликовом поле, произвела огромное впечатление не только на современников этого эпохального события в истории Руси, но долго интересовала и волновала русских людей и после 1380 г. Этим объясняется то, что Мамаеву побоищу посвящён целый ряд литературных памятников, созданных в разное время, которые переписывались и перерабатывались древнерусскими книжниками на протяжении нескольких столетий.

Произведения Куликовского цикла различны по своему характеру и стилю. Поэтическая «Задонщина», документально-историческая первоначальная летописная повесть, остропублицистическая. Пространная редакция летописной повести и, наконец, наполненное воинской героикой, отзвуками фольклора, подробно освещающее все события «Сказание о Мамаевом побоище».

«Задонщина» уже упоминалась выше в связи со «Словом о полку Игореве». Помимо самостоятельного литературного значения и того факта, что этот памятник посвящён столь знаменательному событию в истории Руси, как Куликовская битва, «Задонщина» важна для нас и как неоспоримое свидетельство древности и подлинности «Слова о полку Игореве». Наиболее вероятное время создания «Задонщины» – 80-е – самое начало 90-х гг. XIV в. «Задонщина» – это возникший под непосредственным влиянием события отклик на Куликовскую битву.¹

«Задонщина» дошла до нас в шести списках, самый ранний из которых (список Ефросина) датируется 1470-ми гг., а поздний – концом XVII в. «Задонщиной» названо рассматриваемое произведение в списке Ефросина. В других списках оно называется «Словом о великом князе

¹ Адрианова - Перету В. П. Слово о полку Игореве и Задонщина. – Л.: Слово, 1972. – 217с.

Дмитрии Ивановиче и брате его князе Владимире Андреевиче».

Ефросиновский список представляет собой сокращённую переработку недошедшего первоначального пространного текста, в остальных списках текст пестрит ошибками и искажениями. Ниже мы будем прибегать к реконструкции текста «Задонщины», составленной на основе данных всех списков произведения.¹

В «Задонщине» выражено поэтическое отношение автора к событиям Куликовской битвы. Его рассказ (как и в «Слове о полку Игореве») переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. Сам автор охарактеризовал своё произведение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Ондреевичю», «Жалость» – это плач по погибшим, «Похвала» – слава мужеству и воинской доблести русских.

Весь текст «Задонщины» соотнесён со «Словом о полку Игореве»: тут и повторение целых отрывков из «Слова», и одинаковые характеристики, и сходные поэтические приёмы. Но обращение автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» носит творческий характер. Беря за образец для своего произведения «Слово», он, как пишет Д. С. Лихачёв, имел в виду не простое подражание стилю своего образца, «а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображённых в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности». И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине».² Эти сопоставления давали понять, что несогласие в действиях князей (как было в «Слове») ведёт к поражению, объединение же всех для борьбы с недругом – залог победы. Вместе с тем это

¹ Адрианова – Перету В. П. Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. – Л.: Наука, 1976. – 311с.

² Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Просвещение, 1979. – 247 с.

сопоставление показывало, что наступило иное время и уже не русские, а «поганые татаровя, бусормановя» терпят поражение.

Сопоставление прошлого с настоящим, событий, описанных в «Слове», с событиями 1380г., идёт с самого начала и на протяжении всего текста. Уже во введении это сопоставление выражено ярко и имеет глубокий смысл. Начало бед Русской земли автор ведёт со злополучного сражения на Каяле и битве на Калке: враги Руси «на реке на Каяле одолеша род Афетоа (т. е. русских). И оттоля Руская земля сидит невесела, а от Калатских рати (Калкской битвы) до Мамаева побоища туюго и печалию покрываша». После победы над Мамаем наступил перелом в судьбе Русской земли: «Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем (отбросим, закинем) печаль на восточную страну».

Описывая выступление Дмитрия Донского в поход, автор в «Задонщине» говорит, что «солнце ему ясно на востоце (востоке) сияет и путь поведает». В «Слове о полку Игореве» выступление войск Игоря в поход сопровождается солнечным затмением («Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты»). Рассказывая о движении сил Мамаев к Куликову полю, автор «Задонщины» приводит картину зловещих явлений природы: «А уже беды их (татар) пасоша (подстерегают) птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галици (галки) свои речи говорить, орли хлекчют, а волцы (волки) грозно воют, а лисицы на кости брешут». В «Слове» эти же зловещие предзнаменования сопровождают движение русского войска.

Отметим некоторые черты поэтики «Задонщины», характерные для неё и отличающие её от «Слова о полку Игореве». В «Задонщине» значительно больше, чем в «Слове», образов церковно-религиозного плана: «За землю за Рускую и за веру крестьянскую», «воступив во златое своё стремя, и взем свой мечь в правую руку, и помолися богу и пречистой

его матери» и т. п. Автор «Слова о полку Игореве» обращался к средствам устной народной поэтики и перерабатывал их творчески, создавая свои оригинальные поэтические образы на фольклорном материале. Автор «Задонщины» многие из таких образов упрощает, его поэтические средства, восходящие к поэтике устного творчества, ближе к своим прообразам. Ряд оригинальных эпитетов "Задонщины" явно народно-устного происхождения: типичное для былинного стиля словосочетание «таково слово», «быстрый Дон», «сырая земля» и некоторые другие.

«Задонщина» отличается пестротой стиля: поэтические части текста перебиваются прозаическими, напоминающими по своему характеру деловые документы. Весьма вероятно, что эта пестрота объясняется состоянием дошедших до нас списков памятника: части текста, близкие по стилю к документально-деловой прозе, могут относиться за счёт поздних наслоений, а не отражать авторский текст произведения.

Принято считать, что «Задонщина» была написана Софонием Рязанцем: это имя, как имя её автора, названо в заглавии двух произведений. Однако Софоний Рязанец называется и автором «Сказания о Мамаевом побоище» в целом ряде списков основной редакции «Сказания». Имя Софония Рязанца упоминается и в самом тексте «Задонщины», и характер этого упоминания таков, что в Софонии Рязанце следует скорее всего видеть не автора «Задонщины», а автора какого-то не дошедшего до нас поэтического произведения о Куликовской битве, которым, независимо друг от друга, воспользовались и автор «Задонщины», и автор «Сказания о Мамаевом побоище». Никакими сведениями о Софонии Рязанце, кроме упоминания его имени в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище», мы не располагаем.

«Задонщина» – интереснейший литературный памятник, созданный как непосредственный отклик на важнейшее событие в истории страны. Замечательно это произведение и тем, что оно отражало передовую

политическую идею своего времени: во главе всех русских земель должна стоять Москва и единение русских князей под властью московского великого князя служит залогом освобождения Русской земли от монголо-татарского господства.

1.2. История открытия и направление изучения поэтической повести.

Летописная повесть о куликовской битве дошла до нас в двух видах: кратком и пространном. Краткая летописная повесть входит в состав летописей, ведущих своё происхождение от летописного свода Киприана (Троицкой летописи). Пространная летописная повесть в своём наиболее раннем виде представлена Новгородской IV и Софийской I летописями, т. е. должна была находиться в протографе этих летописей.

В краткой летописной повести, написанной, видимо в близкое время к событию (во всяком случае не позже 1408 – 1409 гг. – времени составления свода Киприана), передаются основные исторические сведения о Куликовской битве. Разгневанный на московского князя за поражение на реке Воже, Мамай во главе многочисленного войска идёт на Русь, «хотя пленить землю Русскую».¹ Навстречу силам Мамаю выступает великий князь московский Дмитрий Иванович. За Доном происходит кровопролитное сражение, продолжавшееся целый день. Русские одерживают победу. Мамай «в мале дружине» (с небольшим числом воинов) спасается бегством. Перечисляются имена убитых русских князей и воевод. Дмитрий Иванович, «став на костях», воздаёт хвалу русским воинам. Русские с богатой добычей возвращаются домой. Мамай, собрав «останочную свою силу», снова собирается пойти войной на великого князя московского. Но против самого Мамаю выступает хан Тохтамыш. Мамай терпит поражение и гибнет, Тохтамыш воцаряется в Орде.

Перед нами краткий перечень событий в их хронологической последовательности. Большая часть произведения посвящена тому, что произошло после Куликовского сражения. О самой битве рассказано кратко, общими формулами воинских повествований: «И соступишася

¹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. – М.: Просвещение, 1976. – 414 с.

обои, и бысть на дльзе часе брань крепка зело и сеча зла». Некоторая детализация, правда, есть и в этом кратком рассказе. Так, например, сообщается, что русские гнали врагов «до реки до Мечи и тамо множество их избиша, а друзии погрязоша в воде и потопоша». Отношение автора к описываемому и его оценки выражаются в кратких эпитетах-характеристиках русских и татар, в сентенциях о божьей помощи русским. Мамай «безбожный, злочестивый, поганый», Дмитрий идёт против врага «за святые церкви, и за правоверную веру христианскую, и за всю Русскую землю», «И поможе бог князю великому Дмитрию Ивановичю», враги «гоними гневом Божиим» и т. п.

Пространная летописная повесть в несколько раз больше краткой. Текст вошёл в неё полностью с некоторыми текстуальными изменениями в начальной части и в дословном повторении второй, основной части повествования. В пространной летописной повести появляется ряд новых данных исторического характера. Здесь говорится о сборе русских войск на Коломне, о приходе на помощь к московскому князю князей Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского, сообщается о присылке великому князю на поле брани послания от игумена Сергия, рассказывается о переправе русских сил через Дон, более подробно описывается битва, говорится о том, что великий князь бился впереди всех и что «весь доспех его бит и язвен, но на телеси его не быше язвы никоея же».¹

Сообщается ещё целый ряд подробностей, упоминаются имена, не названные в краткой летописной повести. Однако увеличение текста повести в её просторном виде происходит не столько из-за включения в неё дополнительных исторических сведений и более подробного изложения их, сколько по литературным причинам.

¹ Гудзий Н. К. история древней русской литературы. – СПб, 2002. – 314 с.

Автор пространной летописной повести включает в своё произведение обширные риторические рассуждения по поводу описываемых им событий, пользуясь для этого церковно-религиозными текстами. В пространной летописной повести значительно усиливается роль Дмитрия Ивановича московского как защитника русского православия, резче и многословнее проводится противопоставление русского воинства как войска христианского – войскам «нечестивых татар», усиливаются и расширяются отрицательные характеристики последних. Автор включает в текст произведения несколько молитв Дмитрия, детализирует и расширяет описание божественной помощи русским войскам. В кратком виде повести лишь сообщалось о том, что на стороне Мамаю выступал Олег рязанский. В пространной летописной повести эта тема получает широкое развитие. Автор несколько раз возвращается к Олегу, сообщает подробности о его сношениях с Мамаем, неоднократно раздражается пространными инвективами в адрес рязанского князя. Он обличает Олега в измене, грозит ожидающими его карами, сравнивает рязанского князя с Иудой и Святополком Окаянным.

До недавнего времени исследователи считали краткую летописную повесть сокращением пространной. Специально занимавшаяся этим вопросом М. А. Салмина убедительно показала, что краткая повесть первична по отношению к пространной. По её мнению, пространная летописная повесть была составлена для свода 1448 г., к которому восходят Новгородская IV и Софийская I летописи (подробнее об этом своде см. ниже).

Почти все дополнительные исторические данные пространной летописной повести по сравнению с краткой находят себе соответствие в «Сказании о Мамаевом побоище». Принято считать, что «Сказание» было создано на основе пространной летописной повести и, следовательно, возникло позже, чем была написана эта летописная повесть. Однако

достаточно убедительных доказательств этого положения нет. И есть не меньше оснований утверждать обратное, а именно то, что пространная летописная повесть написана в то время, когда «Сказание» уже существовало, и «Сказание» повлияло на пространную летописную повесть. Не исключено также, что какие-то совпадения «Сказания» и пространной летописной повести могут объясняться влиянием на различные памятники Куликовского цикла не дошедшего до нас «Слова о Мамаевом побоище», существование которого предполагал А. А. Шахматов. Вопрос этот относится к нерешённым проблемам истории древнерусской литературы и требует дальнейших исследований.

Глава II. Художественное своеобразие «Задонщины».

«Задонщина» – памятник древнерусской литературы конца 14 – 15 вв., посвящённый победе русских войск, возглавляемых великим князем Московским Дмитрием Ивановичем (Дмитрием Донским) и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем, над монголо-татарскими войсками правителя Золотой Орды Мамаю; битва произошла на Куликовом поле 8 сентября (по старому стилю 1380).

Дата создания «Задонщины» неизвестна. По мнению исследователей М. н. Тихомирова и В. Ф. Ржиги, это произведение было написано вскоре после Куликовской битвы, между 1380 и 1393. Их доказательства таковы.

Во-первых, в «Задонщине» упомянута столица Болгарского царства город Торнава (Тырново), до которого доходит весть о славной победе одержанной Дмитрием Донским. Но Тырново было завоёвано турками в 1393, а значит «Задонщина», скорее всего, была написана до этого времени.

Во-вторых, в тексте произведения есть указание, что от битвы на реке Калке (1223), первого столкновения русских с монголо-татарами, до победы на Куликовом поле прошло 160 лет. По-видимому, этот подсчёт относится не к году Куликовской битвы, а ко времени написания Задонщины, то есть к 1384 или, может быть, несколько ранее. М. А. Салмина утверждала, что автор «Задонщины» использовал текст так называемой Пространной летописной повести, созданной в 1440-х, соответственно, Задонщина не могла быть написана раньше 1440-х.

Но большинство учёных не поддержали эту гипотезу. Более вероятно, что не «Задонщина» испытала влияние летописной повести, но,

наоборот, составитель летописной повести обращался к тексту «Задонщины».

Известно 6 списков «Задонщины». Самый ранний из них, содержащий сокращённый текст произведения (так называемую Краткую редакцию), датируется 1470-ми; его переписчик и вероятный редактор – известный древнерусский книжник, монах Кирилло-Белозерского монастыря Евфросий. 5 списков (наиболее ранний относится к концу 15 – началу 16 вв., остальные составлены в конце 16 и 17 вв.) содержат текст так называемой Пространной редакции «Задонщины»; в трёх из этих пяти списков текст сохранился полностью, в двух – только отрывки. Между списками есть серьёзные разночтения. Ни в одной из рукописей не сохранён исходный, авторский текст произведения. В науке ведутся споры о том, какая из двух редакций – Краткая или Пространная – ближе к первоначальному тексту «Задонщины». Господствует мнение о первичности Пространной редакции в сравнении с Краткой. Исследователь «Задонщины» Л. А. Дмитриев, сопоставив все рукописи произведения, реконструировал авторский текст. Однако его реконструкция признана не всеми учёными.

Слово «Задонщина» содержится в заглавии произведения только в самом раннем списке, принадлежащем книжнику Евфросину: «Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича».

Хотя в научной литературе слово «Задонщина» стало названием памятника, в самом тексте заглавия «Задонщиной» названа Куликовская битва, а не посвящённое ей произведение. В заглавии этого же списка упомянут как автор некий монах (старец) Софоний, или Софония рязанец: «Писание Софония старца рязанца»; сходным образом Софоний упомянут и в заглавии одного из списков Пространной редакции – Синодального: «Сказание Сафона рязанца».

На «Задонщину» также повлияло ещё одно древнерусское произведение – «Повесть о разорении Рязани Батыем», рассказывающая о покорении Рязанского княжества монголо-татарами в 1237. К этому произведению восходят, по-видимому, некоторые высказывания в речах Дмитрия Донского и выражения, изображающие победу русских над Мамаем.

В «Задонщине» встречаются образы и приёмы, характерные для народной поэзии: метафоры битвы-пира и битвы-засевания земли, сравнение русских князей и воинов с соколами и орлами, обращения к жаворонку и соловью воспеть победу.

Но «Задонщина» – памятник книжности, а не запись или переработка народной песни о Куликовской битве. Эти образы и приёмы, свойственные фольклору, встречаются помимо «Задонщины» ещё в одном памятнике древнерусской словесности – в «Слове о полку Игореве».

Совпадения текста двух произведений очень значительны. По мнению большинства исследователей, «Слово о полку Игореве» было написано в конце 12в. (возможно, в 1187). Соответственно, автор «Задонщины» мог заимствовать из «Слова о полку Игореве», а не наоборот.

Некоторые фрагменты из «Слова о полку Игореве», очевидно, не были понятны автором «Задонщины» и превратились под его пером в не вполне ясные или в неточные по смыслу фразы.

Автор «Задонщины» мог воссоздать структуру «Слова о полку Игореве»: воспоминания о певце Бояне и его песнях – выступление русского войска в поход – ободряющая речь князя – зловещие природные явления (знамения) – битва – плач (Ярославны в «Слове о полку Игореве», русских жён в «Задонщине») – укоризна чужих народов предводителю,

проигравшему битву. Но в «Задонщине» этот композиционный ряд приобретает новый смысл, противоположный первоначальному.¹

Стародавние времена, воспетые Бояном, не противопоставлены нынешним, как более славные и могущественные. Напротив, нынешняя победа представлена как «эхо» великих деяний стародавних князей. В «Задонщине» зловещие знамения предвещают поражение не русским, как в «Слове о полку Игореве», а татарам; горе распространяется не по всей Русской земле, а в татарском войске; иноземцы (генуэзцы из Кафы) корят за поражение не князя Игоря, а Мамаю.

Подражая «Слову о полке Игореве», автор «Задонщины» не стремится воссоздать стиль текста-источника: поэтические фрагменты, заимствованные из «Слова о полку Игореве», соединены с элементами так называемого делового стиля: с подробными указаниями места и времени сражения, числа воинов, с длинным перечнем убитых князей и бояр. Д. С. Лихачёв назвал «Задонщину» «нестилизационным подражанием» «Слову о полке Игореве». Памятник относится к группе произведений конца 14 – 15 вв. (Житие Стефана Пермского, Житие Сергия Радонежского, Русский Хронограф), характерной чертой которых является «экспрессивно-эмоциональный стиль». Д. С. Лихачёв так характеризует его особенности: «Черты нового стиля могут быть отмечены в «Задонщине», живописующей события Куликовской битвы «буйными словесы».²

Сравнительно со «Словом о полку Игореве» «Задонщина» гораздо более «абстрагирует» и «психологизирует» действие, многие из речей, произносимые действующими лицами, носят условный характер; это не реально произнесённые речи, как в «Слове о полку Игореве». Усилена экспрессивность изложения. Такой экспрессивный характер носит сцена бегства татар, которые бегут, «скрегчюще зубы своими, дерущи лица

¹ Дмитриев Л. А. Задонщина. – М.: Книга, 1980. – 85с.

² Еремин И. П. Литература древней Руси. – Л.: Слово, 1970. – 316с.

своя», и произносят длинные, явно вымышленные речи. Сопоставление «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» отнюдь не случайно. Перекличка и во многих случаях решительное сходство этих памятников, рассматриваемое исследователями как заимствование, очевидны.

2.1. Влияние «Слова о полку Игореве» на стиль и проблематику «Задонщины».

В конце XIV в. Москва стала тем центром, вокруг которого постепенно объединились другие княжества, образуя единое Русское государство. Выдающимся событием русской истории стала Куликовская битва (1380г.), в которой русские впервые нанесли огромное поражение татарам. Она показала возможность успешной борьбы с татарами, развеяла миф об их непобедимости и окрылила русский народ надеждой на близкое полное освобождение от ненавистного ига. Это событие также стало на несколько десятилетий темой литературных произведений. Эта тема получила отражение в летописной повести о Куликовской битве, сказании о «Мамаевом побоище», «Задонщине».

Из произведений, связанных с Куликовской битвой, лучшим в художественном отношении является повесть, озаглавленная «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича». Ни в самом тексте «Задонщины», ни в каких-либо других источниках на время создания её нет. Многие исследователи датируют «Задонщину» 80-ми гг. XIV в.

«Задонщина» своей композицией и отдельными художественными приёмами близка к «Слову о полке Игореве». Автор сохраняет план знаменитой поэмы XII в. И часто следует ей почти буквально, однако все события здесь рисуются в ином освещении. «Задонщина» – это лирический отклик на Куликовскую битву. «Задонщина» дошла до нас в 6-ти списках. Автор представляет организаторов и участников героической битвы

русских с татарами на поле Куликовом. Он подчёркивает, что победа русского оружия оказалась возможной в результате единства русских князей, собравшихся под знамёнами «Великого князя Дмитрия Ивановича».

Неизвестный нам автор «Задонщины» образцом для своего произведения взял «Слово о полку Игореве». От «Слова» зависит план «Задонщины», целый ряд поэтических образов «Задонщины» – повторение поэтических образов «Слова», отдельные слова, обороты, большие отрывки текста «Задонщины» повторяют соответствующие места «Слова о полку Игореве». В «Слове» горе и печаль пришлись на долю русских, в «Задонщине» они отнесены на долю татар. Там земля была засеяна русскими костями и обильно полита русской кровью, здесь – татарскими; там половецкие девушки пели песни и звенели русским золотом, здесь поют русские жёны, звеня золотом татар.

Если в «Слове о полку Игореве» повествуется о поражении русского войска как следствие раздробленности, то в «Задонщине» рассказывается о победе на Куликовском поле как результате единства русской земли, к которому в течение нескольких веков звала русская литература. В «Задонщине» имеется немало самостоятельных поэтических образов. Новое время сказалось в «Задонщине» не только тем, что иначе освещены события, даны новые герои, но и в том, что выражена новая политическая идеология. XIV в. Был временем собирания русских земель вокруг Москвы. Автор проникнут идеей защиты Русской земли, и у него понятие «Русская земля» уже отождествляется с Московским княжеством. Поэтому в «Задонщине» на первом плане стоит Москва и московский князь.

Автор «Задонщины» обратился к «Слову» как к образцу с целью сопоставить и противопоставить политическую обстановку на Руси времени «Слова о полку Игореве» (80-е гг. XII в.) с 80-ми гг. XIV в. Основной идейный смысл «Слова» заключался в призыве автора к русским

князьям забыть междоусобные распри и объединить свои силы для борьбы с внешними врагами Руси. Автор «Задонщины» в победе, одержанной за Доном над ордынцами, увидел реальное воплощение призыва своего гениального предшественника: объединённые силы русских князей смогли разгромить монголо-татар, считавшихся до этого непобедимыми. Он переосмысляет текст «Слова» в соответствии с событиями Куликовской битвы и многое вносит от себя.¹

В 1890 году французский исследователь Л. Леже высказал предположение, что не «Задонщина» подражала «Слову о полке Игореве», а наоборот – «Слово» было создано на основе «Задонщины». Эта гипотеза получила дальнейшее развитие в работах по «Слову» французского слависта А. Мазона, такой же точки зрения придерживался А. А. Зимин. Но сравнительно-текстологический анализ свидетельствует о первичности «Слова о полку Игореве». История древней русской литературы знает немало случаев, когда писатель, изображая современные ему события и исторических деятелей, пользуется особо привлекшими его внимание литературными картинами давно минувшего и характеристиками героев далёкого прошлого.

Например, похвала-характеристика Владимира Мономаха, сохранившаяся в Лаврентьевской летописи, послужила литературным образцом для панегиристов князя Всеволода Юрьевича и его сыновей – они дословно переносили из неё то, что в их представлении определяло идеальный образ носителя феодальной власти.

Когда в 1370-х годах Суздальско-Нижегородская земля нуждалась в оправдании своих притязаний на церковную самостоятельность, монах Лаврентий суздальского князя Юрия (Георгия) Всеволодовича не только стилизовал под «добродетельного» Владимира Мономаха, каким

¹ Лихачёв Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. – М.: Просвещение, 1975. – 305с.

изображала его похвала XII в., но наделил его и «мученическими» чертами, взятыми из литературного портрета князя Андрея Боголюбского.

Обе литературные характеристики – Владимира Мономаха и Андрея Боголюбского – ещё раз откликнулись в похвале Константину Всеволодовичу. Четыре сына князя Ростислава наделяются чертами поведения их отца, в том самом литературном выражении, какое им дано летописцем Ростислава.

Для многих писателей до XV – XVI вв. «классическими» образцами были повести – жития князей Бориса и Глеба, Александра Невского. Талантливое описание разорения Русской земли татарами-монголами, сделанное Серапионом Владимирским, послужило почти через три столетия образцом для псковича, изображавшего насилия московских наместников в только что присоединённом к Москве Пскове, и т. д.

Литература Киевского периода, как и искусство этого времени, в века феодальной раздробленности представлявшегося периодом могущества единого Русского государства, вдохновляла многих писателей и художников, переносивших выработанные «классические» формы в описание современных событий, в новые постройки, в живописные образы.

К числу авторов, нашедших в литературе именно этого периода художественный образец для своего произведения, относится и Софоний Рязанец, решивший рассказать своим современникам о Куликовской битве картинами «Слова о полку Игореве». Таким образом, его замысел не представляет ничего необычного в практике феодального периода. Подобные примеры освоения в новой исторической обстановке художественного наследия прошлого отнюдь не дают основания расценивать их как «плагиаты» и не снижают их эстетической ценности, когда само сознательное обращение к готовым образцам отвечает заданию

художника, оправдывается его идейно-художественным замыслом. Раскрывая связь позднейшего произведения искусства с его прототипом, исследователь не ограничивается простым установлением факта: он стремится именно в этом замысле найти причину обращения художника к данному образцу.

Обычно без труда определяется, которое из двух перекликающихся произведений является оригиналом. В особом положении оказались два памятника, идейно и художественно связанные между собой, – «Слово о полке Игореве» и «Задонщина».

Каждый из этих памятников посвящён точно датируемому событию – походу Игоря Святославича на половцев 1185г. и Куликовской битве 1330г. Но в то время как «Задонщина», хотя и неизвестная в авторском или близком к нему списке, всё же дошла в рукописи 1470-х годов и в более поздних, а потому датировка её не вызывала больших споров, судьба «Слова о полку Игореве» дала скептикам дополнительный повод усомниться в его близости к описанному в нём событию.

Это произведение даже и в сгоревшем мусин-пушкинском стиле читалось лишь в копии не старше конца XV в. За три столетия, отделяющие эту копию от авторского текста, не дошло ни одного списка, а в довершение всего и мусин-пушкинская рукопись сгорела, и единственными свидетельствами её существования остались издание 1800 г., Екатерининская копия и переводы конца XVII в. Вспомним, что лишь в 1824 г. появились в печати сведения о псковском Апостоле 1307 г., найденном К. Ф. Калайдовичем, который отметил, что в этой рукописи есть приписка, представляющая по существу цитату из «Слова о полку Игореве», умело приспособленную к сообщению о между княжеской

борьбе начала XIV в., а до 1852 г. не была известна «Задонщина», фразеологией «Слова» украсившая рассказ о Куликовской битве.¹

В такой обстановке раздались голоса первых скептиков, усомнившихся в подлинности «Слова». Но после опубликования приписки к Апостолу 1307 г. и текста «Задонщины» пробел между авторским текстом «Слова» и мусин-пушкинским сборником несколько заполнился: явились следы знакомства с памятником конца XII в. в начале и в конце XIV в. Характерно, что один из этих следов вёл на Псковщину, с которой, судя по некоторым чертам в языке мусин-пушкинского текста, был связан и сгоревший сборник. Теперь скептикам, чтобы обосновать свою точку зрения на «Слово» как на позднюю подделку, пришлось доказывать, что и приписка 1307 г. имела общий с ним «источник» и «главным образцом» этой «подделки» была «Задонщина». Семьдесят лет тому назад Луи Леже, родоначальник новейшего отряда скептиков, подвергающих сомнению подлинность «Слова о полку Игореве», раздумывая над выводами исследователей, установивших использование «Слова» автором «Задонщины», предложил «перевернуть гипотезу» и задать вопрос, не вдохновлялся ли певец Игоря «Задонщиной»?² Попыты такого «переворачивания гипотезы» широко известны, как и полемика с ними.

В нашей работе мы отрешимся временно от достаточно обоснованного представления о «Задонщине» как позднем отголоске поэтической традиции «Слова» и, сравнивая сходные эпизоды обоих памятников (причём «Задонщину» будем брать не в более или менее искажённых чтениях отдельных списков, а в предположительно восстановленном, максимально близком к «Слову» тексте), проверим ещё раз шаг за шагом, какой же из двух сопоставляемых текстов с большим правом может рассматриваться как первичный, что из чего

¹ Назаревский А. А. Задонщина в исследованиях последнего десятилетия. – М.: Академия, 2002. – 315с.

² Адрианова – Перету В. П. Слово о полку Игореве и Задонщина. – Л.: Слово, 1972. – 217с.

правдоподобнее выводить, другими словами – есть ли научное и художественное основание «переворачивать» гипотезу.¹

В предисловии к «Задонщине» лишь одно название реки, на которой в прошлом русские потерпели поражение от «поганных», «Каяла» – «Слово о полку Игореве». Однако ввиду того, что «река Каяла», как место битвы, есть и в описании похода Игоря Святославича в Ипатьевской летописи, не будем сближать наши памятники на основании наличия в обоих этого до сих пор не вполне ясного географического (или стилистического?) названия. Несомненная перекличка «Задонщины» и «Слова» начинается с одной и той же вводной фразы, которой каждый автор предваряет своё повествование:

Не лепо ли ны бяшеть, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о плъку Игореве, Игоря Святъславлича? Лутче бо нам ест, братие, начяти поведати иными словесы о похвалных, о нынешних повестех, о плъку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича.

В «Слове» «трудные повести» – рассказ самого автора «о полку» Игоря; в «Задонщине» создан сложный и не вполне ясный оборот, в котором «похвальные нынешние повести о полку» великого князя – это как будто чей-то уже существующий рассказ о Куликовской битве, «поведати иными словесы» о котором обещает Софоний. Фраза была трудна и при переписке становилась ещё туманнее; список У передаёт её так: «... поведати иными словесы от похвалных сих и о нынешних повестех похвалу великому князю...». Совсем искажено чтение в списке С – здесь великий князь говорит брату: «Скажи ми, брате, коли и мы словесы о похвалных сих и о нынешних повестех, а полк великого князя».

В зачине «Задонщины» прежде всего, остаётся неясным, «лутче» чего Софоний считает своё намерение «поведати иными словесы» о

¹ Дмитриев Л. А. Задонщина. – М.: Книга, 1980. – 85с.

Куликовской битве. Между тем начальное вопросительное «не лепо ли» «Слова» вполне оправдано следующими рассуждениями автора о двух способах повествования: «старыми словесы» Бояна или «по былинам сего времени». Выбор между этими двумя способами и начинается с вопросительной формы зачина. Тавтологическое сочетание («поведати о ... повестех»), с тремя повторяющимися предлогами «о» «начати поведати иными словесы о похвалных, о нынешних повестех, о полку», с маловыразительными определениями «словес» и «повестей», не могло подсказать лаконичное, но сразу настраивающее на определённую тональность начинающегося рассказа выражение «Слова» – «начати старыми словесы трудных повестей о плъку». Здесь каждое определение крепко связано с последующим текстом и сама вопросительная интонация оправдана дальнейшей характеристикой этих «старых словес», а вся повесть о походе, начавшемся со зловещих предзнаменований и кончившемся разгромом русских дружин, действительно «трудная». Расплывчатая вступительная фраза «Задонщины», построенная и синтаксически тяжело, не даёт основания выводить из неё зачин-вопрос «Слова о полку Игореве».

«Слово», как известно, противопоставляет «старые словеса» песен Бояна, певца князей XI в., «былинам сего времени» – весь этот эпизод даёт оценку художественного метода Бояна, которому автор предпочитает менее фантастическое изображение событий «сего времени». К «словесам» Бояна здесь применимо то же определение, которое даётся и князьям XI в. – героям его песен – «старый Ярослав», «старый Владимир». В «Задонщине» обещание «поведати иными словесы» о Куликовской битве, по-видимому, предупреждает, что Софоний поведёт речь иначе – «по делом и по былинам», а не так, как выше он, «от книг приводя», вспоминал о печальном прошлом. Упоминание о Бояне в этом вступлении к «Задонщине» лишено оттенка противопоставления его песен «похвальной нынешней» повести Софония, наоборот, автор обещает такими же

«песньми и гуслеными буйными словесы» воспеть своих героев, какими Боян славил старых русских князей.

Вторичность текста «Задонщины» в данном эпизоде подтверждается, прежде всего, самым появлением в сознании писателя конца XIV в. образа Бояна. У поэта XII в. естественно могло возникнуть воспоминание об этом вдохновенном певце второй половины XI в. чьи песни, ещё сохранившиеся в памяти народа, конечно, он слышал и потому отчётливо представлял себе их содержание и поэтические качества.

Для писателя же конца XIV столетия образ Бояна не мог быть живым, так как невероятно, чтобы ещё два века песни Бояна, а вместе с ними и имя их слагателя сохранились в народной памяти, и дошли до современников автора «Задонщины». Откуда же в таком случае пришло в её текст упоминание певца Бояна? Утверждая первичность «Задонщины» по сравнению с поэтическим памятником, рассказывающим о событии конца XII в., мы сразу останавливаемся перед этой загадкой. Но допустив, что о Бояне писатель конца XIV в. знал только по его литературному портрету XII в., мы без труда объясним отсутствие в повести Софония характеристики поэтического стиля незнакомого певца и противопоставления этого стиля его собственному рассказу «по делом и по былинам». Взамен перечня неизвестных ему героев песен Бояна Софоний, в соответствии со своими историческими представлениями, назвал имена тех крупнейших киевских князей, от которых вели свой род в XIV в. московские великие князья (Игоря Рюриковича, Владимира Святославича и Ярослава Владимировича).

Для автора «Задонщины» Боян – просто «гораздый гудец в Киеве», который пел «славы» князьям, сопровождая пение игрой на гусях. «Живые струны» этих гуслей, по которым ударяли «гораздые персты» певца, – единственный поэтический штрих в рассказе о Бояне, напоминающий изображение вдохновенного поэта в «Слове».

«Задонщина» туманно называет песни Бояна «гуслёными буйными словесы», и автор её обещает такими же песнями «похвалить» и героев Куликовской битвы, добавляя при этом, что петь он будет «по делом и по былинам», но не противопоставляя этот принцип творческой манера Бояна. Если в «Слове» намерение поэта вести рассказ «по былинам сего времени» противостоит «замышлению Бояню», то в «Задонщине» «иные словеса», т. е. повествование «гуслёными буйными словесы» «по делом и по былинам», противопоставляется изложению, которое автор ведёт в предисловии «от кних приводя». Итак, по «Задонщине» «гуслёные буйные словеса» Бояна не противоречат изложению «по делом и по былинам». Но что значит это словосочетание? Почему понадобилось к ясному «по делом» добавлять «по былинам», т. е. также согласно с действительностью?

Это недоумение разъясняется, если мы сопоставим выражение «Задонщины» с точным определением замысла автора «Слова» «начать» свою песню «по былинам сего времени». Не вполне понятное уже для писателя XIV в. это выражение автор «Задонщины» дополнил словами «по делом». Не случайно и у переписчиков это «по былинам» вызывало недоумение и они либо искажали его, либо пытались в данном сочетании осмыслить (в списке С – «по делом былым», в списке И-1 – «по делом погыбелю»).

В «Слове» есть метафорический трёхчастный образ поэтической фантазии Бояна: он «растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы». В «Задонщине» находим отдалённо сходное с первой частью этой метафоры выражение – настолько туманное, что в списках оно было совершенно искажено, и лишь предположительно может быть восстановлен первоначальный смысл этой фразы, лишённый всякого оттенка метафоричности: «Но проразимся мыслию по землям» («но потрезвимся мыслями и землями» – И-1; «не проразимся мыслию по

землями» – У; «не поразился мысленными землями» – С). Трудно себе представить, как даже из перевода фразы – «истезавше ум свои крепостию». Остаётся единственное объяснение: повторив почти буквально своеобразное описание воинственного настроения князя Игоря, правильно переведя глаголы в множественное число, Софоний «споткнулся» на неясном для него слове «истягну» и неудачно заменил его близким по звучанию «истезавше». Так одна ошибка выдаёт вторичность текста «Задонщины».

Описание начала похода князя Игоря не сразу выливается в «Слове» в свою окончательную форму: автор размышляет – как бы начал этот рассказ Боян, и потому обращается мыслию к этому старому певцу: «О Бояне, соловию старого времени, абы ты сиа плъкы ущекотал». Метафорическому эпитету Бояна в «Задонщине» соответствует реальный образ жаворонка, к которому автор обращается с просьбой воспеть славу великому князю и его брату: «О жаворонок птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри к силному граду Москве, воспей славу». Однако в «Задонщине» есть и более близкая параллель к образу Бояна-соловья, хотя также лишённая метафорического значения. Начиная рассказ о братьях Ольгердовичах, автор снова просит птицу спеть о них песню, но на этот раз он выбирает певцом соловья: «О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал земли Литовской дву братов Олгердовичев» («Славии птица, что бы еси выщекотала сиа два брата...» – К-Б; «...соловей, пощекотал славу...» – У; «А соловей, летняя птица, красных дней втеха, што ж бы еси выщекотали из земли Залеское двух брат Алгиродивичовы...» – С). Хотя и не всеми переписчиками ясно понятый, везде сохраняется параллельный «Слову» глагол «выщекотал» (ср. в «Слове» «ущекотал»), но в прямом смысле как определение пения соловья, а не в переносном применении к песни Бояна. В обоих случаях отличие зачина «Задонщины» от «Слова» заключается и в том, что по «Слову» Боян воспел бы «плъкы», т. е. всё русское войско, отправившееся

в поход, а жаворонок и соловей в «Задонщине» приглашаются «воспеть славу» князьям, предводителям войска. «Задонщина» и в этом эпизоде, как во вступлении, не делает никаких сопоставлений этой песни-славы с песнями Бояна, и потому обращение к птицам, как и следующий за ним самый зачин песни, не является эпизодом, выпадающим из собственно авторского рассказа, каким обращение к Бояну и примерный зачин его песни воспринимаются в «Слове». Автор «Слова» противопоставляет свой зачин запеву Бояна, автор «Задонщины» вводит песни жаворонка и соловья в собственное изложение. Снять в этом эпизоде припоминания о Бояне было проще, чем ввести их, подчеркнув отличие своей художественной манеры от песен Бояна.

Предположительный запев песни Бояна в «Слове» звучит в «Задонщине» как начало песни жаворонка:

Не буря соколы занесе чрез поля широкая, галици стады бежать к Дону великому. Ци буря соколи зонесет из земли Залеския в поле половецкое (в списках это зачин передаётся со значительными искажениями: Они бо взнялися как соколи со земли руския на поля половецкия – К-Б; Цег буря коли снесет из земли Залетъские в поле половецкое – И-1; Ци буря соколи снесет из земли Залеския в поле Полотское – У; А чи боре соколом зонесет из земли Золеские в поле половецкое – С).

В этом эпизоде «Задонщины» обращает на себя внимание выражение «поле половецкое», сохраняющееся во всех списках. Хотя для исторической литературы конца XIV – начала XV в. довольно характерно сближение названий половцы-татары¹, однако само словосочетание «поле половецкое» напоминает о таком наименовании южной степи в «Слове о полку Игореве» (ср. в речи Игоря перед походом: «Хощу бо, рече, копие

¹ Дмитриев Л. А. Литература древней Руси. – М.: Высшая школа, 1990. – 322с.

приломити конецъ поля половецкого» – при обычном «земля Половецкая»).

В данном эпизоде «Слова» мы имеем законченное двучленное отрицательное сравнение, а в «Задонщине» изложение зачина обрывается на первой части, которая приобретает неожиданную и неоправданную контекстом вопросительную интонацию. В таком виде этот зачин производит впечатление незавершённости по сравнению с композиционно стройным запевом «Слова».

Выступление в поход войска князя Игоря и великого князя московского в «Слове» и «Задонщине» описано стилистически сходно:

...комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыеве. Трубы трубятъ въ Новеграде, стоят стязи въ Путивле... Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне, в Бубны бьют в Серпохове, стоят люди новгородцы у святой Софеи аркучи...

Это чёткое в обоих памятниках описание разнится лишь наименованием географических пунктов, где собирались части русского войска. Лишённое сложной метафоричности, оно во всех списках «Задонщины» сохраняет без искажений своё содержание. Архаичное «комонь» «Слова» всегда передаётся более обычный конь. Однако «Дон великий» в этом зачине «Задонщины» явно не на месте: ведь описываются всего лишь сборы войска по разным городам Русской земли, а между тем «стязи» – воинские знамёна оказываются уже у «Дона великого», т. е. рядом с местом Куликовской битвы. В «Слове» правильное упоминание о «Доне великом» заканчивает предшествующий запев Бояна, показывая, куда спешат русские и половецкие войска: «галицы стады бежать к Дону великому». Так небольшая ошибка Софония выдаёт и здесь вторичность его текста по сравнению со «Словом».

Русское войско в «Слове о полку Игореве», по своей подчинённости Ольговичам описательно названное «Ольгово хороброе гнездо», в представлении автора заслуживает достойной его храбрости участи: «...не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный ворон, поганый половчине...». Подобным приёмом в «Задонщине» уже не автор, а сам великий князь Дмитрий Иванович в речи, обращённой к «князем руским», характеризует весь княжеский род: «Братья и князи руския, гнездо есмя великого князя Владимира киевскаго. Ни в обиде есмя были по рождению ни соколу, ни кречету, ни чёрному ворону, ни поганому Мамаю». Трудность синтаксической конструкции – «не было оно обиде порождено, ни соколу...» для книжника конца XIV в., а ещё более для переписчиков XV – XVII вв., сказалась в том, что каждый из них по-своему упрощал её: «Досюды есмя были, брате, никуды не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни белу кречату, ни тому псу поганому Мамаю» (К-Б); «Ни в обиде есмя были ни кречету, ни чёрному ворону, ни поганому Мамаю» (И-1); «Доселя есмо были не обижены ни от кого, ни ястребу, ни соколу, ни белоозерскому кречету, ни тому ж псу поганому царю Мамаю» (С). Нельзя не заметить, что последовательно проходящий в «Слове» через всю синтаксическую конструкцию дательный падеж («обиде... соколу... кречету... тебе») в «Задонщине» не выдерживается: первая часть фразы ни в одном из списков не содержит дательного падежа, но постоянное повторение этой формы в перечне тех, от кого не подобает обида русским, наводит на мысль, что конструкция второй части фразы механически перенесена из источника, где она соответствовала началу предложения.

Есть в этом эпизоде «Задонщины» и ещё одно отличие от «Слова», свидетельствующее не в пользу первичности текста «Задонщины». «Слово», говоря о тех, кто не смеет обижать русской войско, называет сокола и кречета – птиц-охотников, символизирующих смелых воинов, а за ними «поганого половчина», наделённого эпитетом «чёрный ворон». Между тем в «Задонщине» «чёрный ворон» называется не как определение

Мамая, а наравне с другими охотничьими птицами и «поганым Мамаем». В этом ряду упоминание ворона лишено логического и художественного основания. По-видимому, это было замечено писцами списков К-Б, У, С, которые добавили к соколу и кречету ястреба, но опустили чёрного ворона.

Речь «буй-тура» Всеволода Святославича, князя трубчевского и курского, перед походом, обращённая к Игорю Святославичу, выразительно характеризующая его воинов-курян, в «Задонщине» имеет параллели в четырёх эпизодах: в авторской похвале братьям Ольгердовичам, в следующей за ней речи Андрея Ольгердовича к брату, в ответе брату Дмитрия Ольгердовича и, наконец, в обращении великого князя к брату князю Владимиру Андреевичу.

Вот как звучит речь Всеволода Святославича в «Слове»: «Один брат, один свет светлый ты, Игорю! Оба есве Святъславличя! Седлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оседлани у Курьска напереди. А мои ти куряне сведоми къмети: под трубами повити, под шеломы възлелеяни, конецъ копия въскормлени, пути имь ведоми, яругы имь знаеми, луци у них напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачють акы серьи вльци в поле, ищучи себе чти, а князю славе».¹

Этот призыв выступить в поход, соединённый с художественной характеристикой «сведомых» – известных, знаменитых воинов-курян, в «Задонщине» как бы рассыпался, частью войдя в авторскую речь, частью в диалоги князей, участников похода. В речах Андрея Ольгердовича и московского великого князя, кроме того, есть небольшие параллели к обращению Игоря Святославича к дружине перед походом.

Этот способ подчёркивания особой храбрости воинов, уже с рождения воспитанных в боевой обстановке, в «Слове» дал лаконичный

¹ «Слово о полку Игореве». – М.: Просвещение, 1982, – 115с.

образ, три элемента которого построены по одной синтаксической схеме. Такие же элементы, видимо, входили и в авторский текст «Задонщины», однако под пером позднейших писцов первоначальная стройность и чёткость всего образа была утеряна. Лучше всего картина сохранилась в старшем списке К-Б, несмотря на явную ошибку «поють» вместо «повити» и стремление расширить новыми деталями описание воспитания ребёнка-воина: «... ти бо бяше сторожевыя полкы, на щите рожены, под трубами поють, под шеломы възлелеаны, конець копия вскормлены, с вострого меча поены в Литовьской земли». В сильно испорченном чтении списка С остался след этой картины, но она осмыслена по-своему: «Тые же бо ест сынове храбрии, родишас в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней вскормлены, с коленых стрел воспоены в Литивской земли». В списке И-1 композиционная стройность распалась: «...ведоми полковидцы, под трубами и под шеломы возлелияны в Литовьской земли»; в списке У вовсе исчез образ воспитания ребёнка-воина: «...ведомы полеводцы под трубами под шеломы злачеными в Литовской земли».

Сравнивая восстанавливаемый на основе сохранившихся списков «Задонщины» текст этой характеристики воинов в двух памятниках, мы обнаруживаем между ними почти полное совпадение. «Къмети» «Слова» не могли найти места в «Задонщине», где речь шла не о дружинниках князя, а о самих предводителях войска, откуда и наименование их «полководцы».

Речь Андрея Ольгердовича в «Задонщине» перекликается и с началом обращения Всеволода, и с предшествующим призывом Игоря Святославича к дружине:

Обращение Всеволода: ... оба есве Святъславличя...

Призыв Игоря: ... а всядем, братие, на свои бръзья комони да позрим синего Дону... хочу бо... испити шеломом Дону... Сама есма себе два брата сынове Олгордовы, а dyers есмя Едимантовы, а правнуки есми

Сколомендовы. Изберём братью милую... храбрых удальцев, и сами сядем на борзых своя комони, посмотрим быстрого Дону, испием, брате, шеломомь своимь воды быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарския, су лиц немецких о баиданы бесерменьския.

Список К-Б кончает речь словами «испытася мечи свои булатные». Только два списка – К-Б и И-1 – сохранили архаичное для времени «Задонщины» слово «комони», два другие заменили его более привычным «кони».

По этой же схеме построена следующая речь князя Дмитрия Ивановича к Владимиру Андреевичу: «...сами себе есмя два брата, а внуки князя Владимира Киевского, воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома, имеем под собою борзых комони, а на себе золочёные доспехы, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а копии фрязския, мечи булатные, а дороги нам сведомо, а перевозки им изготовлены, но ещё хотят силно главы своя положить (ср. речь Игоря к дружине: «С вами, русици, хочу главу свою приложить») за землю Рускую, за веру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени».

Вместе с ответом Дмитрия Ольгердовича – «Седлай, брате Ондреи, свои борзых комони, а мои готовы, наперед твоих оседлани. Выедем, брате, в чистое поле, посмотрим своих полков» – все эти речи-обращения, как видим, перекликаются в большей своей части со словами князя Всеволода о воинах-курянах, и лишь три фразы в обращении Андрея Ольгердовича имеют параллель в призыве Игоря Святославича к дружине. В «Задонщине» Андрей называет ряд своих предков, литовских князей, а московский князь, в духе времени, возводит свой род к «Владимеру Киевскому»; взамен редкого эпитета «синий Дон» («Слово») читается обычный для устной поэзии – «быстрый». Русские воины в «Слове» идут в бой «ищучи себе чти а князю славе», в «Задонщине» князь Дмитрий

Иванович рассказ о готовности войск заканчивает словами: «Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени». Этот второй призыв, поскольку он входит в речь великого князя, звучит как относящийся ко всему войску: и честь и славное имя добудут себе все участники битвы; характерное для «Слова» сопоставление чести для воинов и славы для князя, которую они ему добудут, в «Задонщине» отсутствует.

Трудно представить, чтобы можно было рассыпанные по разным (четырёх) эпизодам «Задонщины» художественные детали собрать в ритмически стройную, высоко поэтическую характеристику курян, которая лаконична и в то же время даёт живой образ готовых к бою опытных воинов, ищущих на войне «себе чти а князю славе». В этой характеристике нет ничего лишнего, но есть всё необходимое, чтобы наглядно представить конников курского князя XII в. Обстоятельное описание вооружения московского войска и приготовлений к войне в речи великого князя в «Задонщине» деловито, но лишено композиционной стройности. Обращает на себя внимание и то лучшее чтение этой фразы, которая в контексте должна была иметь смысл обращения к читателям – бросим мысленный взгляд по землям, помянем времена первых лет..., – можно было бы построить чётко выраженный образ полёта фантазии Бояна, который «растекашется мыслию...». К тому же в «Слове» эта метафора крепко связана с двумя следующими; в «Задонщине» предложение окинуть мыслью земли входит в деловитое обращение к читателю.

2.2. Структура и стиль поэтической повести.

Мы приходим к убеждению, что «Задонщина», с её весьма смутным представлением о Бояне и о признаках его поэтического «замышления», не могла служить в данном эпизоде «главным оригиналом» для сложного метафорического образа «певца» XI в. и для противопоставления его поэтической манеры повествованию «по былинам сего времени», так чётко выраженного в «Слове о полку Игореве». Но исключив из числа источников автора «Задонщины» этот памятник, мы остановимся перед неразрешённой загадкой: откуда этот писатель узнал о песнях Бояна, о «живых струнах» его гуслей, о «былинах», дающих материал для исторического рассказа. Однако совсем просто и естественно можно было представить, как читатель конца XIV в, отказавшись от перенесения в свой рассказ поэтических рассуждений о Бояне, выраженных в сложной метафорической форме, напомнил своим современникам о «гусленных буйных словесах» этого поэта и сделал его певцом «славы» прямым, по взглядам XIV в., родоначальником московских князей. Таким образом, вступление к «Задонщине» не даёт основания «перевернуть гипотезу».

Следующий эпизод «Задонщины», сближающие её со «Словом», – характеристика князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича, почти дословно повторяющаяся в описании психологического состояния Игоря Святославича, выступающего в поход:

Игорь «истягну умь крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наплънися ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Рускую...». Сии бо князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимир Ондреевич истезавше (стяжав – И-1, ставше – К-Б) ум свои крепостию и поостриша сердца своя мужеством и наполнишася ратнаго духа и уставиша себе храбрыя полкы в Руской земли...

В этом эпизоде «Слова» есть один из гапаксов, не встречающийся в других древнерусских памятниках, – глагол «истягну». Исследователи, сопоставляя его с однокоренным «стягнути», переводят соответственно значение этого слова – «препоясал».¹ В аналогичной фразе «Задонщины» ни один из списков не употребляет глагол «истягнути», ставя на его месте близкий по звучанию «истезавше» («стяжав», «ставше»). Однако ни одно из значений глагола «истязати», известных в древнерусском языке, требовать, взять, узнать, исследовать, мучить, истязать – не даёт удовлетворительного ответа о том, что воинская терминология, применяемая в «Задонщине», совпадает со «Словом» не полностью: названия предметов вооружения, которые вошли в военную практику лишь в более позднее время – байдан, калантырь, кончары (чары), шишаки, – в «Слове» никогда не встречаются, тогда как списки «Задонщины» свободно пользуются ими. Допустив, что «Слово» выросло из «Задонщины», мы вынуждены будем признать, что в конце XVIII в. были уже такие знатоки истории древнерусского оружия, которые способны были точно датировать разные его виды и отобрать из названий, употреблённых в «Задонщине», лишь те, которые соответствовали вооружению конца XII в.

Хотя в отдельных выражениях разобранные эпизоды «Слова» и «Задонщины» то полностью совпадают, то сближаются, однако общий характер изложения в них различен, как различны были задачи двух авторов: первый был поэтом, второй по преимуществу историком, лишь украшавшим своё повествование художественными деталями, которые он отбирал осторожно, избегая сложной метафоричности.

Близко в обоих памятниках описаны зловещие предзнаменования накануне сражения.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свет поведают; чръныя тучи с моря идут, хотят прикрыти 4 солца, а в них трепещут синии мльнии. Быти

¹ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. – М.: Просвещение, 1973. – 528с.

грому великому! Идти дождю стрелами с Дону великаго! Ту ся копием приламати, ту ся саблям потручати о шеломы половецкыя на реце на Каяле у Дону великаго...!

Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы. Уже возвеяша силнии ветри с моря на усть Дону и Непра, прилелеяша великия тучи на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори и в них трепещут синии молнии. Быти стуку и грому велику на речьки (Непрядве) меж Доном и Непром, пасти трупы человечью на поле Куликове, пролитис крове на речькы (Непрядве).

Сравнивая эти два эпизода, мы увидим, что в «Задонщине» отсутствуют те художественные детали, которые в «Слове» включают эту картину в ряд аналогичных описаний природы, одновременно и реалистических и символических, верно изображающих грозовую ночь и вместе с тем напоминающих о тех событиях, которые она символически предвещает. В «Слове» «ветри веют с моря стрелами», «идти дождю стрелами», «кровавыя зори свет поведают», «хотят прикрыти 4 солнца» — князей. В «Задонщине» вся картина нарисована проще, но и не во всём убедительно: здесь из чёрных туч одновременно и «выступают кровавые зори» и «трепещут синие молнии». Слова «кровавые зори свет поведают» напоминают в «Слове», что наступает день битвы, и тогда следующая фраза «чръныя тучи с моря идут...» воспринимается как символическое изображение движущегося вражеского войска, а не только как описание явления природы. Этот оттенок символического значения в «Задонщине» заметно ослаблен. И самое изображение битвы, которую предсказывает природа, сделано в каждом памятнике по-своему: в «Слове» оно построено на метонимии, в «Задонщине» — деловито названы и «трупы человечьи», и льющаяся кровь...

В «Слове» после рассказа о движении «к Дону великому» войск Игоря и половцев автор настраивает читателя на тревожное предчувствие

поражения, ожидающего в походе; в «Задонщине» аналогичное изображение встревоженных птиц и зверей отнесено к будущему разгрому Мамая, причём здесь есть перекличка ещё и с изображением в «Слове» Русской земли, разорённой княжескими «усобицами»:

...Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птицъ по дубию, вльци грозу въсрожат по яругам, орли клетком на кости звери зовут, лисици брешут на чръленыя щиты. О Руская земле! Уже за шеломянем еси.

...Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотят полетети на уедие. ...поганый Мамай на Рускую землю пришел, а вои своя привел. А уже беды их пасоша птица крилати под облакы; ворони часто грають, а галицы своею речью говорятъ, орлы восклегчють, а волци грозно воють, а лисицы на кости брешут. Руская земля, то ти ест как за Соломоном царем побывала.

Первая фраза этой картины в «Слове» сохранилась с явной ошибкой: и в издании 1800г. в Екатерининской копии читаем «пасет птицъ подобию». Большинство современных исследователей читает здесь «по дубию». Судя по спискам «Задонщины», вся фраза и в авторском её тексте передавалась со словом «облака» на месте «подобию»: «Птици небесныя пасущесе то под синие оболока» (К-Б); «А уже беды их пловуще птица их крилати под одлаки летаютъ» (И-1); «А уже беды их пасоша птицы крылати по облак летятъ» (У); «Вжо победы их пашутся, а птицы под облаки летаютъ» (С). Во всяком случае, эта фраза с её метафорическим образом «беды» была трудна для переписчиков, и он то выпадал совсем, как в списке К-Б, то превращался в «победы», как в С, то синтаксически не увязывался со всей фразой, как в И-1 и У. Вывести ясное по смыслу начальное предложение «Слова» из подобных бессвязных словосочетаний «Задонщины» невозможно.

В данном эпизоде «Задонщины» собраны в одной картине все встревоженные звери и птицы, но нет тех подробностей, которые в «Слове» показывают, что их тревога пока лишь от предчувствия беды: если в «Слове» волки «грозу въсрожат по яругам», то в «Задонщине» они «грозно воют»; в «Слове» орлы «клектом зовут» зверей на кости, которых будет много после сражения, а лисицы «брешут» на щиты; в «Задонщине» лисицы уже «на кости брешут», а орлы просто «восклегчють». Как и в других параллельных эпизодах обоих памятников, в «Задонщине» отсутствует та точность отбора выразительных деталей, которая всегда налицо в «Слове».

Заключительный рефрен этого эпизода в «Слове», ещё раз повторяющийся ниже, – «О Руская земле! Уже за шеломянем еси» – невозможно вывести из загадочного выражения «Задонщины» – «Руская земля! То ти ест как за Соломоном царем побывала». Это восклицание в списках «Задонщины» передаётся по-разному, однако имя «Соломон» сохраняется везде. Описав встревоженных зверей и птиц, список К-Б, в отличие от других, добавляет объяснение их тревоги: «чають победу на поганых. Аркучи так: земля еси русская, как еси была доселева за царем за Соломоном, так буди и нынеча за князем великим Дмитриемъ Ивановичемъ». Список И-1: «Руская земля, то ти ест как за Соломоном царем побывало»; список У: «Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала»; список С «Земля, земля резанская, тепер бо ест коко зо Соломоном царем побывали». Исследователи ищут истолкования этого возгласа в двух направлениях: одни предполагают, что в первоначальном тексте «Задонщины» читалось «за соломянемъ» – псковский вариант «шеломянем»,¹ другие стремятся найти то историческое лицо, которое автор назвал именем царя Соломона.² Последняя по времени гипотеза выдвинута академиком М. Н.

¹ Ерёмин И. П. Литература древней Руси. – Л.: Слово, 1976. – 316с.

² Котляренко А. Н. Задонщина как памятник русского языка конца 14 века. – Л.: ЛГПИ, 1980. – 118с.

Тихомировым, который предложил для объяснения загадочного царя Соломона вспомнить «о султани Сулеймане (Соломоне), старшем сыне султана Баезида, прозванном Челеби. Он разорил Болгарскую землю, и таким же разорением Мамай угрожал Русской земле». Однако и при первом истолковании, дающим наиболее близкое к «Слову о полке Игореве» чтение «за соломьянемь», остаётся во всех списках повторяющийся глагол «побывала» (вар.: побывало, побывали) и также повторяющееся «как», которые по смыслу не согласуются в контексте «Русская земля, ты как за холмом побывала» – чтение явно испорченное по сравнению с текстом «Слова»: «О Русская земля, уже ты за холмом». Ещё труднее допустить, что выражение «как за царем Соломоном побывала» дало мысль автору «Слова» заменить его тревожным возгласом, напоминающим, что родина уже далеко.

Но этот эмоциональный возглас остался не понятым писателем конца XIV в., и он ввёл на его место близкое по звучанию легендарное или историческое припоминание – сравнив судьбу Русской земли с положением разорённой Болгарии (М. Н. Тихомиров), или вспомнив о Рязанской земле в правление Олега Ивановича (А. Смирнов), или скрыв за Соломоном князя Владимира Святославича (И. И. Срезневский), или библейского царя Соломона, как якобы бывшего владельца Русской земли по «Повести о граде Иерусалиме» (А. Мазон).

При любом истолковании этого выражения в «Задонщине» её текст, с трудом поддающийся объяснению, представляется вторичным рядом с простым по смыслу возгласом «Слова», передающим настроение русского войска, углубляющегося в «поле половецкое» и тревожно думающего о том, что «Русская земля» осталась далеко «за холмом». Поэтически вполне оправданный в «Слове» после отрывка, изображающего тревогу птиц и зверей, предчувствующих «беды» Игоревы войска, этот возглас ещё раз повторяется в «Слове» после описания зловещих «знамений» в природе

накануне битвы. В «Задонщине» отсутствует такая крепкая логическая и художественная связь этого восклицания с предшествующими ему описанием поведения зверей и птиц, а само восклицание лишено ясного смысла.

В «Слове» выступление в неудачный поход Игоря сопровождалось грозными знамениями в природе: «Тогда вьступи Игорь князь в злат стремена и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ночь стонуши ему грозою птичь убуди; свист зверин вьста; збися див, кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме, Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканьский блъван!».

В «Задонщине» великий князь выезжает навстречу победе, и поэтому в данном месте знамение, сопутствующее ему, предвещает успех: «Тогда князь великий Дмитрий Иванович вьступи в златое стремя. Солнце ему ясно на вьстоцы сияет, путь поведает». Так предположительно читался этот эпизод в первоначальном тексте; в отдельных списках либо появляются деловые подробности, либо вся картина окрашивается религиозной фразеологией: «... златое стремя, всед на свой борзый конь, принимая коие в правую руку. Солнце ему на встоце семтября 8 в среду на рождество пресвятыя богородица ясно светить, путь ему поведает, Борис Глеб молитву творять за сродники свои» (К-Б); «... златое стремя, взял свой меч в правую руку свою, помоляся богу и пресвятей богородицы. Солнце ему ясно на вьстоцы сияет, а Борис и Глеб молитву воздает за сродники» (И-1); «... во златое свое стремя и взял свой меч в правую руку и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему на восток сияет и путь поведает, а Борис и Глеб молитву воздают за сродники своя» (У); особенно сильна религиозная окраска в описании выезда, как оно читается в списке С: «Тогда князь великий Дмитрий заплакал гарко и рече: господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся во веки, на да посмеются врази мои. Втер слезы свои, и воступает во позлощное свое стремя, и взял меч

свой во правую руку, и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему ясная сияет на восток, пут поведает, святыи Борис и Глеб молитву творит за сродники своя».

Если даже в начальном виде в это описание «Задонщины» не входили некоторые детали, не имеющие параллели в «Слове», но повторяющиеся в списках («взем свой меч в правую руку», «Борис и Глеб молитву творят за сродники своя»), всё же ясно, что автор самостоятельно построил картину выезда, согласно с тем, как развернутся события дальше. Совпадение со «Словом» ограничивается лаконичным образом «въступи в златое стремя». Это выражение, которым в «Слове о полку Игореве» всегда передаётся выступление в поход князей (в рассказе об отправлении дружины применяется другой оборот – «всестъ на конь»), представляет собой индивидуальную метонимию, свойственную только языку «Слова», но построенную на обычном в дружинном быту XI – XIII вв. значении «стремени» как символа власти феодала.

В конце XIV в., когда создавалась «Задонщина», эта символика уже не была настолько жизненно привычной, чтобы писатель этого времени заново образовал на её основе своеобразную метонимию, но он легко мог повторить её, зная поэтический памятник XII в. Не случайно Софоний лишь один раз применил эту метонимию, тогда как «Слово» возвращается к ней каждый раз, когда речь идёт о выступлении в поход князей. Солнечному затмению в «Слове» соответствует в «Задонщине» ясный восход солнца «на вьстоце»; если затмение «путь заступаше», то восход солнца «поведал путь».

Однако «Задонщина» выдаёт своё знакомство с данным эпизодом «Слова» не только умелым перенесением его схемы (выезд – знамение). Ниже, в описании поля битвы, усеянного «костью татарскими», мы встретим на этот раз неудачно использованный образ «дива».

Выезд в поход князя Владимира Андреевича, изображённый вслед за описанием отправления в путь великого князя, «Задонщина» начинает восклицанием автора, которое в «Слове» предваряет картину поражения русских дружин:

Что ми шумить, что ми звенить – далече рано пред зорями? Игорь плъкы заворочает: жаль бо ему мила брата Всеволода. Что шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимир Одреевич полки уставливает и пребирает и ведет к Дону великому.

Необычная в «Слове» форма этого вопроса не имеет параллели в «Задонщине» – ни один из списков не вносит характерного для «Слова» «ми» перед обоими глаголами; В соответствии с постоянным в «Задонщине» сравнением шума оружия с громом («Не стук стучит, ни гром гремит, стучить сильная рать великого князя... гремят удальцы руския золоченными доспехи, черлеными щиты»; «Быти стуку и грому велику на речькы Непрядве»; «гремят мечи булатные») вместо «звенить» «Слова» и здесь читаем «гремит». Старший список К-Б опустил совсем эту вопросительную фразу, заменив её привычным отрицательным сравнением; «уже бо стук стучить и гром гремить рано пред зорею, то ти не стук стучить, ни гром гремить...». Искажена фраза в списке С: «Што пишут, што гримит, что грит рана пред зорами?». Более сложный синтаксический строй этого вопроса в «Слове» свидетельствует о его старшинстве: так переделать деловитый вопрос «Задонщины» трудно но вполне естественно более позднему автору упростить редкую конструкцию «Слова» и приспособить весь вопрос к обычному для стиля «Задонщины» образу грома – шума оружия.

Сходно изображается в обоих памятниках первая схватка русских войск с врагами, близки и следующие воинские картины:

С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые,
grimлют сабли о шеломы, трещат копья харалужные в поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.

Всеволод бьётся с половцами:

...прыщещи на вои стрелами, гремлеши о шеломы мечи
харалужными. Камо, тур, покочяше, своим златым шеломом посвечивая,
тамо лежат поганые головы половецкыи. ...рустии сынове... ударишас
копья харалужными о доспехи татарскыи, възгремели мечи булатные о
шеломы хиновскыи на поле Куликове на речки (Непрядве)... А в них
сияють доспехи золоченые, гремели князи руския мечи булатными о
шеломы хиновскыи... Владимир Андреевич... златым шеломом,
посвечиваше. Гремят мечи булатные о шеломы хиновскыи...¹

Вторая схватка: Гремят мечи булатные о шеломы хиновскыи...

При несомненном сходстве деталей эти описания разнятся в общем построении: в «Слове» ритмичность изложения достигается не только расположением слов, но и одинаковыми глагольными формами – летят – гремлют – трещат, прыщещи – гремлеши; в «Задонщине» ритмичность нарушена не только тем, что время глаголов меняется – ударишас – възгремели, сияють – гремели, посвечиваше – гремят, но и тем, что, в отличие от «Слова», где подлежащее в первом отрывке всегда название оружия, а во втором – имя князя, в «Задонщине» в первом эпизоде сначала подлежащее «рустии сынове», затем «мечи», во втором – доспехи – князи рускыи, в третьем – князь – мечи. Разрушение ритмичности при использовании готового образца и приспособлении его к новому сюжету – процесс более естественный, чем построение из разных по синтаксической конструкции фраз ритмически единообразного ряда. Наконец, вторичность текста «Задонщины» в данном эпизоде подтверждается тем, что

¹ «Задонщина». – Л.: Просвещение, 1985. – 320с.

механически повторенный однажды её автором архаизм «мечи харалужные» затем заменяется более привычным для конца XIV в. определением – «мечи булатные», а само слово «харалужный», повторенное одним старшим списком К-Б, но непонятное писцу, им же применяется как определение к слову «берези», притом в искажённой форме: «берези хараужныя». В списке И-1 читаем «копи хараужничьные», в списке У – «копья фарлужные», в списке С это слово отсутствует.

Описанию Куликова поля после поражения Мамаё соответствуют в «Слове» отрывки из трёх различных эпизодов, расположенных в разных местах его текста, – из описания поля битвы перед окончательным разгромом дружин Игоря, из рассказа о победах Святослава Киевского над половцами и из картины зловещих знамений, предшествовавших походу Игоря.

...трещат копиа харалужныя в поле незнаеме, среди земли Половецкыи. Чръна земля под копыты костью была посеяна, а кровию поляна, тугою взыдоша по Руской земли.

Рассказ о Святославе Киевском:

... бяшетъ притрепал своими сильными плъкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хльми и яругы, взмути реки и озеры, иссуши потоки и болота, а поганого Кобяка из луку моря от железных великих плъков половецких яко вихр выторже. И падеся Кобяк в граде Киеве, в гридници Святъславли. Ту немци и венедици, ту греци и морава поют славу Святъславлю...

Зловещие знамения перед походом:

... свист зверин вѣста, збися див, кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме, Вльзе и Поморию. Черна земля под копыты, костью татарскими поля насеяны, а кровью полиано. Силнии полкы съступалися вместо, протопташа холми и лугы, возмутишася реки и потоки и езера,

кликнуло диво в Руской земли, велит послушати рожнымь землям, шибла слава... Русь великая одолеша Мамая на поле Куликове.

В этом эпизоде «Задонщины» обращает на себя внимание средняя часть, параллель к которой содержится в рассказе «Слова» об успешном походе 1184г. Святослава Киевского на половцев, когда он глубоко вторгся в их владения. Автор «Слова» строит при общем подлежащем (Святослав) ритмически выдержанный ряд предложений, передающих силу и стремительность этого вторжения: «Притопа хльми и яругы, взмути реки и озеры, иссуши потоки и болота». Описание завершается рассказом о пленении Кобяка. В «Задонщине» отсутствует эта стройность изложения: «Протопташа холми и лугы, возмутишася реки и потоки и езера». Нет объединяющего эти предложения подлежащего, во второй фразе перечислено то, чего на Куликовом поле не было, – это холмистое урочище было перерезано реками (Непрядвой, Смолкой, Кургуцем и Нижним Дубяком), но ни озёр, ни потоков там не отмечено. К тому же «силнии полки сступалися» в основном между этими реками (на пути Мамая к русским войскам были лишь верхнее течение Смолки и Нижнего Дубяка). Вместе с тем этот перечень не упоминает ни оврагов, ни леса, где скрывался засадный полк. Это обстоятельство и наводит на заключение, что само описание сделано Софонием по готовому образцу, не вполне удачно приспособленному для той обстановки, в какой развернулась Куликовская битва. Видим, «потоки» вызывали иногда недоумение переписчиков, и в итоге в списке С получилось совсем неудачное словосочетание «потоки езера». Продолжение эпизода в «Задонщине» подтверждает связь его с рассказом «Слова» о Святославе. Именно этот рассказ навёл Софония на мысль закончить описание поля битвы сообщением о «славе». Но самое содержание этой «славы», как оно передано в «Слове», совсем не подходило для сюжета «Задонщины», и автор вернулся к образу «дива», который разносит вести по далёким странам. Мифологические образы «Слова» читателю конца XIV в. были

уже чужды, поэтому зловещее существо и оказалось у него вестником победы. Вторичность текста «Задонщины» и здесь становится очевидной – образ «дива» появляется в несвойственной ему функции (в списке К-Б этот образ был опущен, в списке У множественное число – «кликнули быша дивы»).

В списках «Задонщины» этот эпизод находится не на месте: он попал в середину рассказа, хотя по смыслу ему надлежало бы стоять дальше, в описании конца битвы (туда он был вставлен из «Задонщины» в одной из редакций «Сказания о Мамаевом побоище»). Однако куда бы мы ни переносили этот эпизод, его средняя фраза «Силнии полки съступалися вместо, протопташа холми и лугы, возмутишася реки и потоки и езера» представляет одно из повторений описаний боевых эпизодов. Так, сразу после всего данного отрывка опять читаем: «Тогда бо силнии тучи съступалися въместо, а из них часто сияли молнии, громи гремели велице. То ти съступалися рускии сынове с погаными татары»; ниже снова – «Тогда князь поля наступает. Гремят мечи булатные». Очевидно, спайка этого подсказанного «Словом» эпизода с остальным текстом не удалась автору, он не сумел вдвинуть его без повторения в раздел, повествовавший об окончательной победе над Мамаем после выступления засадного полка.

Можно предположить, что в середину рассказа (до описания действий засадного полка, решивших исход битвы) этот эпизод неудачно попал потому, что в «Слове о полку Игореве» отрывок, начинающийся словами «Чръна земля...», следует сразу за тем описанием боя русских с половцами, по типу которого сделан в «Задонщине» рассказ о первой схватке с войском Мамае, предшествующий эпизоду с тем же началом «Черна земля...» В «Слове» этот эпизод относился к описанию поражения русских, в «Задонщине» – к изображению их победы.

2.3. Художественные достоинства «Задонщины» как яркого памятника древнерусской литературы.

«Задонщина» – памятник древнерусской литературы конца XIV в. Авторство приписывается Софонию Рязанцу. Повесть противопоставляется «Слову о полке Игореве», описывающему поражение русских войск в борьбе с половцами и блестящую победу вооружённых сил Руси во главе с московским князем Дмитрием.

«Задонщина» принадлежит к группе повестей, возникших в связи с Куликовской битвой. Повесть сложилась на основе летописного сказания, устных преданий, произведений народного поэтического творчества.

8 сентября 1380 г. на Куликовом поле (местность в пределах Тульской области, расположенная в верховьях реки Дона, в месте впадения в него реки Непрядвы, в 1380 году – «дикое поле» – незаселённая степь) произошла битва коалиции русских князей, возглавляемая великим князем московским Дмитрием Ивановичем, с монголо-татарским войском, усиленным наёмными отрядами, под предводительством ордынского правителя Мамаю. Это было первое большое сражение русских с поработителями после установления монголо-татарского ига (1237 г.), окончившееся полным разгромом монголо-татар. Куликовская битва (часто называется Мамаевым побоищем) не положила предела иноземному игу на Руси (это свершилось лишь через 100 лет – в 1480 г.), но характер взаимоотношений русских княжеств с ордой резко изменился, обозначилась главенствующая объединительная роль Московского княжества и московского князя.

Куликовская битва показала, что в союзе русские княжества могут успешно противостоять монголо-татарам. Победа на Куликовом поле имела огромное морально-нравственное значение для национального

самосознания. Не случайно с этим событием связано имя святого Сергия: основатель и настоятель Троицкого монастыря, по преданию, благословил поход Дмитрия Московского (прозванного после битвы на Куликовом поле «Донским») против Мамая и, вопреки монастырским правилам, послал с воинами Дмитрия на поле брани двух монахов своего монастыря – Ослябю и Пересвета. К событиям Куликовской битвы интерес на Руси не ослабевал со времени битвы до наших дней. В Древней Руси был создан ряд произведений, посвящённых битве 1380 г., которые в науке объединяются под названием «Куликовский цикл»: летописные повести о Куликовской битве, «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище».

«Задонщина» – эмоциональный, лирический отклик на события Куликовской битвы. «Задонщина» дошла до нас в 6-ти списках, самый ранний из которых, Кирилло-Белозерский (К-Б), составленный монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином в 70-80-е годы XV века, представляет собой переработку только первой половины первоначального текста. Остальные 5 списков более позднего времени (самый ранний из них – отрывок конца XV – начала XVI в., остальные – XVI – XVII вв.). Лишь два списка содержат полный текст, во всех списках много ошибок и искажений. Поэтому на основе данных только всех вместе взятых списков можно реконструировать текст произведения. По совокупности ряда косвенных данных, но, главным образом, на основании самого характера произведения большинство исследователей датируют время его создания 80-ми гг. XIV века.

Традиционным считается, что автором «Задонщины» был некий Софоний Рязанец: в двух списках Задонщины он назван в заглавии автором произведения. В тверской летописи имеется небольшой отрывок текста, близкий отдельными чтениями к Задонщине и «Сказанию о Мамаевом побоище», начинающийся такой фразой: «А се писание Софониа Резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю

Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу» (перед этой записью стоит дата Куликовской битвы – 1380).

А. Д. Седельников обратил внимание на сходство этого имени с именем рязанского боярина из окружения рязанского князя Олега – Софония Алтыкулачевича (Олег Рязанский в 1380 г. собирался выступить на стороне Мама). Таким образом, Софоний Рязанец, бесспорно, как-то связан с памятниками Куликовского цикла. В самом тексте «Задонщины» о нём сказано как о человеке по отношению к автору постороннем: «Аз же помяну резанца Софония...» На основании этого чтения исследователь Куликовского цикла И. Назаров ещё в 1858 году утверждал, что оно определяет Софония как предшественника автора «Задонщины».

В последнее время гипотеза об авторстве Софония была рассмотрена Р. П. Дмитриевой, которая пришла к выводу, что Софоний не был автором Задонщины: «... последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать». Видимо, Софоний был автором не дошедшего до нас ещё одного поэтического произведения о Куликовской битве, поэтические образы которого повлияли на авторов и «Задонщины», и «Сказания о Мамаевом побоище». Это предположение согласуется с гипотезой академика А. А. Шахматова о существовании несохранившегося «Слова о Мамаевом побоище».

Основная идея «Задонщины» – величие Куликовской битвы. Автор произведения восклицает, что слава победы на Куликовом поле донеслась до разных концов земли. В основе произведения лежат реальные события Куликовской битвы. Рассказ переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. Сам автор охарактеризовал своё произведение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу».

Уже по характеру произведения, по сочетанию в нём плача и похвалы «Задонщина» близка к «Слову о полку Игореве». Но близость эта носит не только общий характер, но самый непосредственный и в этом ещё одна замечательная черта этого произведения древнерусской литературы.

Ряд учёных исходят из положения, согласно которому «Слово» было написано в подражание «Задонщине» (французские учёные Л. Леже, А. Мазон, русский историк А. А. Зимин). Сравнительно-текстологический анализ «Слова» и «Задонщины» с привлечением реминисценций из Задонщины в «Сказании о Мамаевом побоище», изучение характера книгописной деятельности Ефросина, которому принадлежит авторство, исследование фразеологии и лексики «Слова» и «Задонщины», сравнительный анализ грамматики – всё свидетельствует о вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве».

«Задонщина» неоднократно переводилась на современный русский язык, создано несколько поэтических переложений памятника (В. М. Саянова, И. А. Новикова, А. Скрипова, А. Жовтиса). «Задонщина» переведена на ряд иностранных языков. Памятнику посвящена большая научная литература.

Заключение.

В заключение выпускной квалификационной работы можно сделать следующие выводы:

1. «Задонщина» - памятник древнерусской литературы конца XIV в. Авторство приписывается Софонию Рязанцу. Повесть противопоставляется «Слову о полке Игореве», описывающему поражение русских войск в борьбе с половцами и блестящую обеду вооружённых сил Руси во главе с московским князем Дмитрием.
2. «Задонщина» принадлежит к группе повестей, возникших в связи с Куликовской битвой. Повесть сложилась на основе летописного сказания, устных преданий, произведений народного поэтического творчества. «Задонщина» - эмоциональный, лирический отклик на события Куликовской битвы. «Задонщина» дошла до нас в 6-ти списках, самый ранний из которых, Кирилло-Белозерский (К-Б), составленный монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином в 70-80-е годы XV века, представляет собой переработку только первой половины первоначального текста. Остальные 5 списков более позднего времени (самый ранний из них - отрывок конца XV - начала XVI в., остальные XVI-XVII вв.). Лишь два списка содержат полный текст, во всех списках много ошибок и искажений. Поэтому на основе данных только всех вместе взятых списков можно реконструировать текст произведения. По совокупности ряда косвенных данных, но, главным образом, на основании самого характера произведения большинство исследователей датируют время его создания 80-ми гг. XIV века.

3. Традиционным считается, что автором «Задонщины» был некий Софоний Рязанец: в двух списках Задонщины он назван в заглавии автором произведения. В тверской летописи имеется небольшой отрывок текста, близкий отдельными чтениями к Задонщине и «Сказанию о Мамаевом побоище», начинающийся такой фразой; «А се писание Софония Резанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу» (перед этой записью стоит дата Куликовской битвы 1380).

4. В последнее время гипотеза об авторстве Софония была рассмотрена Р. П. Дмитриевой, которая пришла к выводу, что Софоний не был автором Задонщины: «... последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать». Видимо, Софоний был автором не дошедшего до нас ещё одного поэтического произведения о Куликовской битве, поэтические образы которого повлияли на авторов и «Задонщины», и «Сказания о Мамаевом побоище». Это предположение согласуется с гипотезой академика А. А. Шахматова о существовании несохранившегося «Слова о Мамаевом побоище».

5. Основная идея «Задонщины» - величие Куликовской битвы. Автор произведения восклицает, что слава победы на Куликовом поле донеслась до разных концов земли. В основе произведения лежат реальные события Куликовской битвы. Рассказ переносится из одного места в другое: из Москвы на Куликово поле, снова в Москву, в Новгород, опять на Куликово поле. Настоящее переплетается с воспоминаниями о прошлом. Сам автор охарактеризовал своё произведение как «жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу».

6. Уже по характеру произведения, по сочетанию в нём плача и

похвалы Задонщина близка к «Слову о полку Игореве». Но близость эта носит не только общий характер, но самый непосредственный и в этом ещё одна замечательная черта этого произведения древнерусской литературы.

Своим удивительно поэтичным языком.; а также былинным изображением героев и событий «Задонщина» близка к устному народному творчеству. И мы прекрасно понимаем, что если «грозные тучи сошлись, а из них непрерывно молнии сверкали и гремели громы великие», то это означает, что бой шёл не на жизнь, а на смерть. В образном языке «Задонщины» нашло отражение и отношение русских людей к своим и татарским воинам. И если русские богатыри и удалыцы сравниваются с соколами, кречетами и белозерскими ястребами, то «великие силы поганого царя Мамаю» превращаются не только в «несчётные стада гусиные и лебединые», но и в разъярённых «серых волков».

Читая этот памятник древнерусской литературы, мы проникаемся гордостью и безмерным уважением к великому патриотизму и храбрости древних защитников Руси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

I.

1. Каримов И. А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. - Т.: Узбекистон, 2009, 25 с.
2. Каримов И. А. Модернизация страны *и* построение сильного гражданского общества - наш главный приоритет // Учитель Узбекистана. - 2010. № 5 (2088).
3. Каримов И. А. Гармонично - развитое поколение - наше будущее// Учитель Узбекистана. - 2010. - №11 (2094).
4. Каримов И. А. Наша главная задача - дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа // Народное слово. - 2010. - №21 (4906).
5. Каримов И. А. Последовательное продолжение курса на модернизации страны - решающий фактор нашего развития // Новости Кашкадарьи. - 2010. - №50 (12824).
6. Каримов И. А. Высшая ценность нашей священной Родины - человек, его права и интересы: Выступления Президента Ислама Каримова на торжествах, посвящённых 19-летию независимости Республики Узбекистан // Народное слово. - 2010. - №171 (5056).

II.

7. Адрианова-Перетц В. П. Слово о полку Игореве и Задонщина / В. П. Адрианова-Перетц - Л.; Слово. 1962. -217 с.
8. Адрианова-Перетц В. П. Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла / В. П. Адрианова-Перетц. - Л.: Наука, 1966. - 311 с.
9. Адрианова-Перетц В. П. Труды отдела древнерусской литературы /Адрианова-Перетц В. П., И. П. Ерёмин. - М., Л.: Издательство академии наук СССР, 1948. - 382 с,
10. Водовозов Н. В. История древней русской литературы / Н. В. Водовозов. - М.: Просвещение, 1972, -371 с.
11. Гудзий Н. К. История древней русской литературы / Н. К. Гудзий. - М.: Просвещение, 1966. - 414 с.
12. Гудзий Н. К. История древнерусской литературы / Н. К. Гудзий. - СПб., 2002. - 314 с.
13. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе / Н. К. Гудзий. - М.: Просвещение, 1972, - 528 с.
14. Дмитриев Л. А. Задонщина / Л. А. Дмитриев. - М.: Книга, 1980. - 85 с.
15. Дмитриев Л. А. Литература древней Руси / Л. А. Дмитриев - М.: Высшая школа. 1990. - 322 с.

16. Дмитриев Л. А. Сказания и повести о Куликовской битве / Л. А. Дмитриев. О. П. Лихачёва. - Л.: Наука, 1982. -152 с.
17. Ерёмин И. П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы / И. П. Ерёмин. - Л.: Наука, 1987. -421 с.
18. Ерёмин И. П. Литература древней Руси / И. П. Ерёмин. - Л.: Слово, 1966. - 316 с.
19. Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI – XIII в. в) / В. М. Истрин. - М.: Академия, 2002. - 384 с.
20. Котляренко А. Н. Задонщина как памятник русского языка конца XIV века / А. Н. Котляренко. - Л.: ЛГПИ, 1956. -118 с.
21. Котляренко А. Н. К истории развития сложного предложения (по спискам Задонщины) / А. Н. Котляренко. - Л.: ЛГПИ, 1958.
22. Кусков В. В. История древнерусской литературы / В. В. Кусков. - М.: Высшая школа, 1992. - 336 с.
23. Ливан Н. И. Литература Древней Руси; Лекции-очерки / Н. И. Ливан, - М.; Академия, 2000.-214 с.
24. Лихачёв Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси / Д. С. Лихачёв. - М.: Просвещение, 1975. - 305 с.

25. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. - М.: Просвещение, 1979. 247 с.
26. Лихачёв Д. С. Развитие русской литературы X - XVII в. в.: Эпохи и стили / Д. С. Лихачёв. - Л.; Слово. 1973. - 217 с.
27. Лихачёв Д. С. Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла / Д. С. Лихачёв. Л. А. Дмитриев. - М., Л.; Наука, 1966. -163 с.
28. Лазаревский А. А. Задонщина в исследованиях последнего десятилетия / А. А. Назаревский - Л.: ТОДРЛ, 1956. - 117 с.
29. Пиккио Р. История древнерусской литературы / Р. Пиккио. - М.; Академия, 2002. - 315 с.
30. Прокофьев Н. И. Древняя русская литература / Н. И. Прокофьев. - М.: Просвещение, 1988. - 341 с.
31. Рыбаков Б. А. Памятники Куликовского цикла / Б. А. Рыбаков. - СПб.; РАН, 1998.
32. Сперанский М. Н. История древней русской литературы / М. Н. Сперанский. - СПб.: Лань. 2002. - 544 с.
33. Срезневский И. И. Несколько дополнительных замечаний к Слову о Задонщине / И. И. Срезневский. - СПб.: ИпоРЯС, 1858. - 114 с.
34. Тихомиров М. Н. Древняя Москва / М. Н. Тихомиров. - М.: Изд-во МГУ, 1947.

35. Трубецкой Н. С. Лекции по древнерусской литературе / Н. С. Трубецкой. - М.: Академия, 1995, - 294 с.

36. Фёдорова М. Е. Хрестоматия по древнерусской литературе / М. Е. Фёдорова, Т. А. Сумникова - М.: Высшая школа, 1974. - 256 с.

III.

37. www.rusyaz.ru

38. www.philology.ru

39. www.slovari.ru

40. www.mgu/rusliter/.ru

41. www.infology.ru.

Термины.

Автор - (лат. создатель, сочинитель) - создатель литературного произведения. Применительно к конкретному литературному произведению используется понятие «образ автора» - это «проекция» автора на плоскость текста, его условный «представитель» в художественном мире произведения. Понятия «автор» и «образ автора» часто используются как синонимы.

Аллегория - иносказание; в искусстве - развёрнутое уподобление, подробности которого складываются в систему намёков; причём прямой смысл изображения не теряется, но дополняется возможностью его переносного истолкования.

Антитеза - (греч, противоположное) - стилистическая фигура, состоящая в сопоставлении резко отличных по смыслу слов или словесных групп, напр.: «Великий человек на малые дела» (Даль); антитеза характерна для поэтической речи.

Герой литературный - действующее лицо в художественном произведении, обладающее определённой характером, индивидуальным интеллектуальным и эмоциональным миром. Литературный герой наделён биографией (более или менее подробной), определёнными портретными чертами и представлен в системе отношений с другими действующими лицами и миром в целом; он неотделим от того условного мира, в который помещён автором; он не может «жить» в художественном мире другого писателя.

Гипербола - стилистическая фигура, состоящая в образном преувеличении, напр., «наметали стог выше тучи» или «вино лилось рекой» (Крылов).

Антитеза - (греч. противоположное) - стилистическая фигура, состоящая в сопоставлении резко отличных по смыслу слов или словесных групп, напр.: «Великий человек на малые дела» (Даль); антитеза характерна для поэтической речи.

Завязка - элемент сюжета, события, являющееся началом конфликта (см.) и отправной точкой в развитии действия.

Интрига - 1) происки, скрытые действия, обычно неблагоприятные, для достижения чего-либо; 2) соотношение персонажей и обстоятельств, обеспечивающие развитие действия в художественном произведении.

Композиция - (лат. сочинение, составление) - в литературе и искусстве - конкретное построение, внутренняя структура произведения, подбор, группировка и последовательность изобразительных приёмов, организующих идейно-художественное целое.

Конфликт - (лат. столкновение) - столкновение противоположных взглядов, интересов, противоречие, противоборство между действующими лицами литературного произведения. Конфликт является основой сюжета: события приводятся в движение благодаря конфликту, а основные элементы сюжета выделяются в зависимости от развития конфликта.

Кульминация - (лат. вершина) - в литературе и искусстве — ответственный момент в развитии действия, предрешающий развязку: точка, момент наивысшего подъёма, напряжения в развитии чего-либо.

Лейтмотив - (нем. буквально ведущий мотив) - руководящая, основная мысль, неоднократно повторяемая и подчёркиваемая; определяющий мотив деятельности, поведения и тому подобное.

Пейзаж - (фр. местность, страна) - 1) реальный вид какой-либо местности; 2) в искусстве - изображение природы, например картина, рисунок в живописи.

Персонаж - (лат. личность, лицо) - действующее лицо в художественном произведении. Термин синонимичен понятию герой

литературный. На практике понятие «персонаж» чаще всего используют по отношению к второстепенным действующим лицам, существенно не влияющим на ход событий и характер конфликта.

Повесть - эпический прозаический жанр, для которого характерны достаточно развёрнутый событийный ряд, представляющий в действии нескольких персонажей, развитие действий на более или менее значительном отрезке времени, позволяющем воссоздать психологический мир героя. Жанровое своеобразие повести определяется чаще всего на границах рассказа и романа: в повести больше действующих лиц, чем в рассказе, но меньше чем в романе, развитие действия в повести сложнее, чем в рассказе, но действие в меньшей степени развёрнуто, чем в романе, и т. п.

Портрет - описание внешности персонажа в литературе (черт лица, одежды, фигуры, позы, особенностей мимики, жестов, походки, манеры говорить и держаться). Развёрнутый, психологически достоверный портрет персонажа - достижение литературы XIX века. Будучи одним из важнейших средств характеристики героя, портрет вместе с тем проявляет особенности индивидуального стиля писателя, характерные черты «литературной оптики» того или иного автора или целого направления.

Поэма - (греч, создание) - большая (как правило, многочастная) стихотворная форма, лиро-эпический жанр.

Развитие действия - ход событий, определяемый разворачивающимся конфликтом. Развитие действия проявляет характеры персонажей через обнаружение мотивов поступков и причинно-следственных связей между ними.

Род литературный - типы (формы) изображения в литературе человека и мира, выделяемые в зависимости от характера отношений между субъектом высказывания и его объектом (см. эпос, лирика,

драма).

Сюжет - 1) последовательность, связь описания событий в произведении литературы; 2) в изобразительном искусстве - предмет изображения.

Эпитет - (греч, буквально приложение) - разновидность тропа, образное определение, например: слепая любовь, туманная луна.